

Владислав Аксёнов

**Историческая руморология в трудах Б. И. Колоницкого:
Изучение патерналистских комплексов общества
в 1914–1917 гг. (от «политической порнографии»
к «трагической эротике»)**

Historical rumorology in the works of B. I. Kolonitskii:
The study of society's paternalistic complexes in 1914–1917
(from "political pornography" to "tragic erotics")

Аксенов Владислав Бэнович

Институт российской истории РАН,
Россия, Москва
vlaks@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2716-7700

Aksenov Vladislav B.

The Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Moscow
vlaks@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2716-7700

Аннотация. В статье рассматривается вклад Б. И. Колоницкого в развитие исторической руморологии. Отмечается заслуга в проведении комплексного источниковедческого разбора политических дел, заведенных по ст. 103 Уголовного уложения, содержащих массовые слухи, в важном выводе о «горизонтальном» характере распространения слухов, классификации случаев оскорбления членов августейшей семьи как «карнавальных», «политических», «религиозных», «случайных», исследовании сценариев власти в годы войны. Причем, в отличие от известной книги Р. Уортмана, Колоницкий идет дальше и изучает то, как эти сценарии преломлялись в сознании современников. Автор статьи отмечает, что сложные взаимоотношения подданных и императора свидетельствуют о развитии в начале XX в. «патерналистского комплекса» как одного из проявлений конфликта традиции и модерна.

Abstract. The article deals with the contribution of B. I. Kolonitskii to the development of historical rumorology. He is noted for his merit in conducting a comprehensive source study of political cases brought under Article 103 of the Criminal Code, containing mass rumors, the conclusion about the "horizontal" nature of rumor spreading, classification of cases of insulting members of the tsar's family as "carnival", "political", "religious", "accidental", study of power scenarios during the war years. Moreover, unlike the famous book by R. Wortman, Kolonitskii goes further and studies how these scenarios were refracted in the minds of contemporaries. The author of the article notes that the complex relationship between subjects and the emperor testifies to the development of a "paternalistic complex" as one of the manifestations of the conflict between tradition and modernity in the early twentieth century.

Ключевые слова. Б. И. Колоницкий, историческая руморология, слухи, Первая мировая война, революция 1917, трагическая эротика, патернализм.

Keywords. B. I. Kolonitskii, historical rumorology, rumors, World War I, revolution of 1917, tragic eroticism, paternalism.

Для цитирования. Аксенов В. Б. Историческая руморология в трудах Б. И. Колоницкого: Изучение патерналистских комплексов общества в 1914–1917 гг. (от «политической порнографии» к «трагической эротике») // Культурная история. 2025. № 1. С. 141–159.
DOI: 10.33280/3034-3216.2025.86.53.005

For Citation. Aksenov V. B. Historical rumorology in the works of B. I. Kolonitskii: The study of society's paternalistic complexes in 1914–1917 (from "political pornography" to "tragic erotics"), in: *Cultural History*. 2025. No. 1. P. 141–159.
DOI: 10.33280/3034-3216.2025.86.53.005

Историческая руморология — относительно молодое направление гуманитарных исследований. Однако историки, исследующие переломные периоды и времена революционных потрясений, уже давно отмечают важную социально-политическую роль эмоций и настоянных на них слухов. Еще в 1924 г. М. Блок описал процесс трансформации средневековых слухов о чудесах в легенды о королях-чудотворцах, которые стали сакральной основой монаршей репрезентации; в 1932 г. вышла работа Ж. Лефевра «Великий страх 1789 г.», в которой описывалось, как вызванная объективными социально-экономическими причинами общественная тревожность трансформировалась в иррациональный страх, панику и породила дикие слухи, ставшие фактором произошедшей французской революции¹. Французские историки также обратили внимание на роль слухов в годы Первой мировой войны, в частности рассказы, распространявшиеся среди немецких солдат о наличии бойниц в домах бельгийских крестьян, порожденные незнанием местных архитектурных традиций и катализировавшие страх и ненависть к мирному населению². Вместе с тем истоки отечественной исторической руморологии можно обнаружить еще раньше — в работах В. О. Ключевского, который по массовым слухам описывал настроения смутного времени XVII в.

В советской историографии Первой мировой войны и революции 1917 г. также встречались упоминания слухов, правда, преимущественно фрагментарные. В. С. Дякин писал о возникавших вокруг имени Распутина слухах как причине дискредитации

---

1 См.: Блок М. Короли-чудотворцы. М., 1998; Lefebvre G. La Grande peur de 1789. Suivi de Les foules révolutionnaires. Paris, 1988.

2 Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М., 1986.

самодержавия даже в изначально лояльных кругах³. А. Я. Аврех считал одним из факторов создания Прогрессивного блока распространение в обществе панических настроений, вызванных слухами (хотя сам термин автор не употреблял) о стремительном наступлении немцев и перспективах сдачи Москвы⁴. При этом авторы упоминали и об использовании слухов в политических целях, например в тактике кадетов, заключающейся в «муссировании слухов о сепаратном мире в качестве приема борьбы против Штюрмера»⁵. Э. Н. Бурджалов отмечал, что подозрения об изменах в высших эшелонах власти во время Первой мировой войны, доходившие до офицеров на фронте, формировали в войсках оппозиционные настроения, при этом приводил версию, что их распространяли германские агенты⁶. Впрочем, в разжигании шпиономании Бурджалов винил буржуазных лидеров, которые тем самым пытались «разжечь воинственный национализм»⁷. Историк употреблял термин «слух» с негативной коннотацией, а когда писал о слухах о положении дел в России, доходивших до В. И. Ленина, то называл их «вестями», этот же термин использовал при описании позитивно-революционных известий в феврале 1917 г.: «из уст в уста передавались радостные, иногда преувеличенные, вести, что солдаты обещают не стрелять, что казаки прогнали полицию»⁸. Описывая настроения кануна и февраля 1917 г., Бурджалов обращает внимание на стихийность распространения всевозможных слухов, на то, как в Петрограде «улица превращалась в политический клуб», — но при этом и сам попадает в ловушку известного массового слуха о том, что на крышах домов и церковных колокольнях были установлены полицейские пулеметы, из которых якобы расстреливали мирные шествия⁹. Г. Л. Соболев, изучая эволюцию массового революционного сознания, упоминал, как различные слухи растлевали солдат петроградского гарнизона накануне революции, а устные сообщения о стычке казаков с полицией и о неподчинении

3 Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в Первой мировой войне. М., 1967. С. 181.

4 Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 35.

5 Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм... С. 243.

6 Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 37, 55.

7 Там же. С. 71.

8 Там же. С. 98, 150.

9 Там же. С. 118, 174.

Государственной думы указу о роспуске воодушевляли восставшие массы в феврале 1917 г.¹⁰ Соболев обращал внимание и на политтехнологический характер слухов, отмечая, что тиражируемые буржуазными газетами весной 1917 г. разговоры о покушениях на А. Ф. Керенского укрепляли его популярность в массах¹¹. При этом Соболев в первую очередь рассматривал слухи в качестве устных, неформальных каналов передачи достоверной информации, а не феномена массового воображения.

Советская историография в целом пренебрежительно относилась к теме слухов, не рассматривая ее в качестве самостоятельного предмета исследования, и если упоминала слухи, то считала их элементом психологии малограмотных слоев или мелкобуржуазного сознания, фактически отрицая их влияние на образованные и классово сознательные слои населения. Конечно, это не соответствовало действительности: в условиях нехватки достоверной информации слухи захватывали сознание людей вне зависимости от их образованности, а по мере усиления социально-политического кризиса в обществе происходило слияние специфических «народных» и «интеллигентских» слухов, приводя ко все большей иррационализации информационного пространства. Тем не менее регулярные упоминания слухов в работах по истории Первой мировой войны и революции делало специальное обращение историков к этому особенному информационному пространству вопросом времени.

Помимо того, что велик потенциал слухов как исторического источника, раскрывающего страхи и надежды общества, демонстрирующего существующие в массовом сознании образы власти (т. е. связывающего имагологию и историю эмоций), слухи сами по себе являются социальным феноменом, выполняющим ряд важных функций. Кроме собственно информационной функции можно назвать алармистскую, коммуникативную, когнитивную, прогностическую и некоторые другие¹². Изучение функциональной природы массовых политических слухов периода Первой мировой войны и российской революции является своеобразной прививкой от конспирологии, так как, вопреки

10 Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия. Л., 1973. С. 30, 31, 149.

11 Там же. С. 161–162.

12 См.: Побережников И. В. Слухи в социальной истории: типология и функции. Екатеринбург, 1995.

политтехнологической интерпретации, предполагающей наличие чьего-то злого умысла в их распространении, демонстрирует стихийно-закономерный (синергетический) характер. Кризисные периоды истории, которым соответствует повышенная тревожность общества, создают удобную почву для прорастания самых абсурдных слухов.

По признанию Б. И. Колоницкого, осознание им недооцененности роли слухов в истории российской революции пришло в 1994 г. под влиянием лекций Т. Блэннинга по истории Французской революции¹³. Тем не менее тема слухов естественным образом вытекала из интереса автора к массовому политическому сознанию революционной эпохи, социокультурным конфликтам 1917 г., в том числе из страха общества перед заговорами, распространявшегося по мере выветривания из обывательских настроений революционной эйфории¹⁴. Но явный «руморологический поворот» в трудах исследователя произошел в ярких статьях 1998–1999 гг. «“Политическая порнография” и десакрализация власти в годы Первой мировой войны (слухи и массовая культура)» и «К изучению механизмов десакрализации монархии (слухи и “политическая порнография” в годы Первой мировой войны)»¹⁵. Не случайно, что тема раскрылась на материале предшествовавшего революции периода, — сказала как исследовательская логика обращения к предыстории «разрухи в головах» 1917 г., так и внимание к материалам уголовных дел об оскорблениях членов императорской семьи, зафиксировавших ходившие среди населения политические слухи, в которых конструировались образы верховной власти.

Изучение массового политического сознания 1914–1916 гг. позволило выявить запутанную «смесь реальных фактов и вымыслов, в которых мифы об изменах и заговорах, окрашенные в цвета ксенофобии, сливались с молвой о религиозных, медицинских

13 Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 5.

14 Колоницкий Б. И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Отечественная история. 1994. № 1. С. 17–27.

15 Колоницкий Б. И. 1) «Политическая порнография» и десакрализация власти в годы Первой мировой войны (слухи и массовая культура) // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998; 2) К изучению механизмов десакрализации монархии (слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны) // Историк и революция. СПб., 1999.

и эротических экспериментах верхов»¹⁶. В этой гремучей смеси выделяется своей абсурдностью жанр «политической порнографии» (термин заимствован из историографии французской революции) — совокупность сплетен, тайно распространявшихся печатных текстов, карикатурных карточек, постановочных фотографий, — эксплуатировавших тему сексуальных перверсий царской семьи. Главным антагонистом этих историй выступала императрица Александра Федоровна, якобы изменявшая царю с Г. Распутиным, причем политический подтекст подобных произведений усиливался другими слухами — о том, что «старец» является немецким шпионом. Соответственно тема супружеской измены трансформировалась в сюжет об измене государственной. Неслучайно в ряде подобных слухов пресловутый телеграф (или прямой телефон), по которому царица якобы сообщала секретные сведения Вильгельму II, располагался не где-нибудь, а именно в ее спальне. При этом Николай II, по мнению ученого, выступал как пассивный, страдающий и трагикомический персонаж¹⁷. Здесь следует оговориться, что в той же народной среде параллельно развивался и образ Николая II как активного злодея, преимущественно характерный для эсхатологических слухов. Мобилизации ратников различных разрядов 1914–1916 гг. настраивали крестьян на мысль, что цель царя — истребить русский народ. В этой связи проводились параллели с царем Иродом, который в фольклоре выступал в качестве ипостаси Антихриста. Уже в сентябре 1914 г. мельник села Малая Джалга Ставропольской губернии Павел Гренченков рассказывал посетителям мельницы: «Говорят, что народится Ирод. Вот и родился Ирод — это наш царь Николай»¹⁸.

Дискредитировавшие царскую семью слухи о Г. Распутине ходили задолго до 1914 г., но именно в период Первой мировой войны происходит расширение границ жанра «политической порнографии», когда самой царской семье приписывается приущая ей перверсивность как признак морально-нравственного разложения и вырождения: якобы при дворце существует специально созданный для коллективных оргий «музей», который посещают и царь с царицей, и мать царя. По мнению Колоницкого,

16 Колоницкий Б. И. К изучению механизмов десакрализации монархии. С. 72.

17 Там же. С. 84.

18 РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 332.

распространенность жанра «политической порнографии» среди различных сословий позволяет говорить о «патриархальной подоснове массового политического сознания, соединявшего ксенофобию и женофобию»¹⁹. Вероятно, здесь следует добавить, что структура массового сознания разноуровневая, состоит из нескольких пластов: от традиционно-архетипического, включающего в том числе эсхатологические страхи в форме мифов, до научно-рационального, формирующегося в процессе распространения политико-правовой культуры. Особенностью кризисных периодов является то, что под давлением эмоций на поверхность всплывают архаичные комплексы, страхи и обиды, формирующие соответствующие образы «верхов». При этом сама символическая сторона самодержавной репрезентации, предполагавшая патерналистскую любовь народа к монаршим особам, предопределяла проявление данных комплексов в периоды социально-политических кризисов. Собственно, именно исследованию этого патерналистского комплекса российского общества посвящена вышедшая в 2010 г. фундаментальная монография «“Трагическая эротика”: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны». Предметом в ней определены образы, т. е. акцент сделан не на руморологию, а на имагологию. Спектр исторических источников книги довольно широк. Это разнообразные письменные, устные, визуальные документы. Однако если в отношении образов из оппозиционных газет, листовок, журнальных карикатур или лубочных картинок, в ряде случаев пропагандистских, оставались вопросы о степени их распространенности среди широких слоев населения, то массовые слухи как раз и отражали типичные реакции и характерные образы власти в народном сознании.

Методологически исследование Колоницкого опирается на инструментарий трех актуальных направлений: руморологию, имагологию и историю эмоций. В начале своей работы автор замечает, что, вопреки устоявшейся традиции изучения истории революций через исследование презентации чувства политической ненависти, в исследовании происходит смещение акцента на противоположную эмоцию — политическую любовь: «Загадочная любовь масс к вождям стала одной из разрушительных

---

19 Колоницкий Б. И. К изучению механизмов десакрализации монархии. С. 80.

сил XX века»²⁰. Вынесенная в заглавие книги метафора «трагическая эротика» была заимствована автором у религиозного философа С. Булгакова, с ее помощью тот определил свои сложные чувства подданного к последнему российскому самодержцу. Булгаков пережил своеобразную эволюцию отношения к Николаю II от юношеской ненависти, через любовь к разочарованию. Колоницкий не считает такой путь типичным для образованных слоев российского общества, но, вместе с тем, обращает внимание на то, что и сценарии власти на ритуально-символическом уровне, и личные отношения подданных к монаршим особам предполагали эмоциональную связь, основанную на любви. Однако эпоха войны и революции внесла свои коррективы в эти заочно-любовные отношения, в некоторых случаях сделав их перверсивными.

Несмотря на некоторую провокативность названия, «Трагическая эротика» — монография фундаментальная и академическая. Начинается она с историографии и подробного источниковедческого анализа. Безусловной заслугой Колоницкого является источниковедческое исследование дел, заведенных за заочное оскорбление членов императорской семьи (103 статья Уголовного уложения 1903 г.), которые содержали оскорбительные для Романовых слухи. Первым источниковый потенциал этих документов описал Л. М. Иванов в статье 1959 г., посвященной периоду Русско-японской войны и Первой российской революции²¹. Тем не менее ряд вопросов оставался неизученным. Один из важнейших — являлись ли высказываемые оскорбления типичными, отражающими массовые политические настроения, учитывая общее количество заведенных дел (согласно поступившим отчетам в министерство юстиции — 1558 для 1904–1905 гг. и 1473 для 1914–1916 гг.), и насколько они отражают истинное отношение к Романовым, учитывая, что в значительном числе случаев произносились в состоянии алкогольного опьянения. Следует заметить, что именно по последней причине ряд историков до сих пор недооценивают потенциал этого источника. Между тем в книге показано, что так как состояние алкогольного

20 Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика». С. 8.

21 Иванов Л. М. Дела о привлечении крестьян к ответственности по 103 и 246 статьям как источник для изучения крестьянских настроений кануна первой русской революции // Проблемы источниковедения. Сб. 8. М., 1959. С. 119–134.

опьянения являлось смягчающим вину обстоятельством, в части случаев его упоминание выступало не более чем попыткой сократить срок приговора. Кроме того, в случаях, когда оскорбления царя представлялись следователю мотивированно-осмысленными, а не бессвязной чередой ругательств, делался вывод, что они приходили обвиняемым на трезвую голову и озвучивались лишь тогда, когда алкоголь развязывал их языки. Также Колоницкий обращает внимание на снижение числа «пьяных» дел с 1915 г. В монографии отмечается, что хотя дела заводились на основании доносов, в том числе ложных, доносчик нередко приписывал обвиняемому собственные мысли в отношении императорской особы или употреблял выражения, подслушанные в других местах. Тем самым циркулировавшие в делах высказывания в адрес императорской семьи можно считать типичными, распространенными в крестьянской среде.

Автор предлагает классификацию встречающихся оскорблений: «случайные», «карнавальные», «конфликтные», религиозные и политические. Колоницкий пишет, что, если верить уголовной статистике, оскорбления членов императорской семьи — это преступление «пьяное», «русское» и «крестьянское», но при этом обращает внимание, что по мере затягивания войны происходит рационализация и «раскрестьянивание» оскорбительного дискурса, в чем исследователь видит симптом усиления социальных и этнических конфликтов. В книге уделяется внимание сценариям власти в годы войны: это и ритуальные поездки царя, приемы, выходы к народу, визуальная репрезентация членов царской семьи, в том числе акцентирование внимания на благотворительной деятельности. Однако, в отличие от известной книги Р. Уортмана, Колоницкий идет дальше и изучает то, как эти сценарии преломлялись в сознании современников. Так, в ряде случаев солдаты и некоторые офицеры оказывались разочарованы мельком увиденным державным вождем, отмечая усталость царя или его невзрачность, расхождение с теми парадными портретами, которые печатали газеты и журналы. Посещение царем военных госпиталей и вовсе порождало слухи среди малограмотных слоев, что он ездит туда развратничать с медсестрами. Последняя тема оказывается важной для понимания оскорбительных слухов об императрице и августейших дочерях. За годы Первой мировой войны произошла дискредитация сестер милосердия, отчасти спровоцированная легкомысленным поведением

самых девиц, распространившейся модой на милосердие среди дам высшего общества, воспринимавших свою работу в качестве временного развлечения, практикой переодеваний проституток в форму сестер милосердия. То, что характерно для карнавальной культуры, часто повторяется в периоды архаизации повседневности, т. е. в периоды социально-психологических кризисов военного и революционного времени: сакральное и профанное легко меняются местами. Акцентирование внимания визуальной и вербальной пропаганды на образе императрицы как сестры милосердия оказалось в этих условиях репрезентационной ошибкой. Однако Колоницкий не склонен преувеличивать значение этой ошибки пропаганды, отмечая, что негативный эффект был достигнут в результате сочетания культурного контекста с уже распространенными слухами об императрице.

Негативные образы царя и царицы рождали убежденность, что в них все беды России, и провоцировали угрозы убийством и распространение слухов о покушениях на царских особ, как будто приближая трагическую развязку в Екатеринбурге 16 июля 1918 г.

В книге сфокусировано внимание на образах четырех членов императорского дома, наиболее часто фигурировавших в слухах: императора, императрицы-супруги, императрицы-матери и великого князя Николая Николаевича, верховного главнокомандующего. После осознания первых поражений российской армии в крестьянской среде распространяются толки, в которых строгий и активный Николай Николаевич противопоставляется пьяному царю-бабе. Начинают ходить разговоры, что великий князь-главнокомандующий разжаловал царя в рядовые за то, что тот продал Перемышль. Впрочем, подобное противопоставление дяди и племянника бытовало и в пересудах в аристократических кругах, некоторые даже прочили Николаю Николаевичу императорскую корону. Подобные слухи, доходившие до августейшей семьи, в конечном счете сыграли определенную роль в политическом кризисе лета 1915 г. и лишении великого князя должности главнокомандующего. Заметно уступала в плане оскорбительных упоминаний другим героям книги вдовствующая императрица Мария Федоровна, что отразилось и на объеме посвященной ей главы. Тем не менее эти оскорбления имели свои особенности. Колоницкий отмечает, что слухи о вдовствующей императрице носили более выраженный фольклорный

характер, что исследователь справедливо связывает, с одной стороны, со сказочным образом злой вдовы, с другой — с матерной традицией и распространенной богохульной практикой упоминания Матери Марии. Нельзя не заметить, что часто в крестьянской среде обвинения городских слоев в адрес императрицы-супруги (немка и шпионка) автоматически переадресовывались вдовствующей императрице.

Ожидаемо в книге разбирается конспирологическая тема «фабрики слухов», тем более что ее активно обсуждали сами современники Первой мировой войны (распространенность конспирологического мышления — один из признаков политического кризиса). Колоницкий перечисляет разные версии фабрикации антидинастических слухов — салонно-аристократическую, либерально-оппозиционную, революционную, масонскую, германскую, — при этом отмечает, что в те годы ходили взаимоисключающие версии распространения слухов «сверху вниз» (А. И. Спиридович) и «снизу вверх» (Н. Н. Головин). Автор предлагает более точный вектор — горизонтальный, так как и в крестьянской среде, и в интеллигентской существовали сюжеты слухов, не пересекающиеся друг с другом. Можно добавить, что причина независимого и стихийного появления и распространения подобных историй, по-видимому, лежит в том, что массовые слухи основывались на архетипических образах (самым сильным из которых был образ внутреннего врага-предателя), а начало Первой мировой войны запустило механизм пробуждения архетипов, о чем говорит фольклорная и религиозная составляющая этих устных текстов. Неслучайно сюжет о предательстве царицы появляется даже в городских слухах уже в августе 1914 г.²² Отрицая сфабрикованную природу слухов, Колоницкий тем не менее справедливо отмечает некоторую вину самой верховной власти за их распространение: «официальная проповедь германофобии и шпиономании готовила почву для самых фантастических измышлений об измене в верхах»²³.

Хотя появление массовых слухов нельзя объяснять применением соответствующих политтехнологий, зародившись, они нередко использовались для дискредитации политических оппо-

22 Аксенов В. Б. *Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918)*. М., 2020. С. 408.

23 Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика». С. 542.

нентов в качестве этих самых технологий. Колоницкий отмечает, что в годы войны слухи о различных «темных силах», в том числе о роли Распутина, использовались представителями националистического, либерального, социалистического лагерей в политической борьбе; в 1917 г. В. И. Ленин продолжал упоминать «распутиниаду» в политических целях. Можно дополнить и другим примером: газета «Правда» в 1917 г. эксплуатировала стихийно распространившийся в крупных городах слух о «черных автомобилях», придавая ему политический характер: якобы в этих автомобилях разъезжали противники большевиков — члены партии кадетов. Тем не менее ни один из политических лагерей, вопреки мнению некоторых современных историков, не может считаться «фабрикой» массовых слухов.

Несмотря на то что по мере затягивания войны оскорбления в адрес власти звучали все чаще, а сами слухи становились все абсурднее, это не означает распространенность антимонархического сознания в целом, так как некоторые хулители мечтали о замене «плохого» царя на «хорошего». Колоницкий соглашается с предположением В. Б. Безгина о том, что сам по себе факт доноса на оскорбившего царя человека свидетельствует о том, что доносчик действует в логике монархической самоидентификации²⁴. При этом автор отмечает нараставшую политическую изоляцию Николая II: «В условиях особого общественного кризиса, связанного с затягиванием войны, даже люди консервативных взглядов, носители разных типов монархического сознания переставали быть прочной опорой режима»²⁵. Затянувшаяся война, приведя к разочарованиям в первоначальных лозунгах и планах, спровоцировала «войну патриотизмов», втянутыми в которую и расставленными по разные стороны баррикад оказались и те, кто изначально демонстрировал преданность режиму и идентифицировал себя в качестве патриота²⁶.

Порой слухи демонстрировали некоторую расщепленность массового политического сознания, например когда люди высказывались за республиканскую форму правления с «хорошим»

24 См.: Безгин В. Б. «Царь-батюшка» и «народ-богоносец» (Крестьянский монархизм конца XIX — начала XX в.) // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: сб. науч. ст. Вып. 2. СПб., 2004.

25 Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика». С. 560.

26 Более подробно см.: Аксенов В. Б. Война патриотизмов: Пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи. М., 2023.

царем во главе. Это не должно вызывать удивление, если учесть, что в начале XX в. российское общество (как, впрочем, и западно-европейское) находилось в состоянии незавершенного перехода от традиции к модерну, а потому даже среди представителей высшего света архаичный патернализм сочетался с относительно передовыми идеями. Пережитки патернализма в условиях стремительно менявшейся политической системы порождали конфликт ожиданий и реалий, в результате чего репрезентация императора вступала в противоречие с теми разнообразными образами, которые существовали в сознании современников, порождая дискредитирующие власть слухи. Этот патерналистский комплекс российского общества предопределял трагизм взаимоотношений подданных с императором.

Значение исследований Колоницкого, впервые в отечественной историографии предложившего системный и концептуальный подход к пространству слухов, переоценить сложно. Тем более что работы автора заставляют по-новому рассматривать некоторые хорошо известные сюжеты политической истории, развивать выдвинутые положения. Сама по себе тема трагической любви подданных к августейшим особам кажется неисчерпаемой. И речь не только о различных формах демонстрации верно-подданнических чувств, но и о переживаниях вполне интимных. В том числе к царским детям, образам которых не нашлось достаточного места в книге. Так, например, в рамках концепции «трагической эротики» можно переосмыслить историю трагической любви 39-летнего врача Никанора Руткевича к великой княжне Ольге Николаевне. Очевидно, чувства вспыхнули под воздействием визуальной репрезентации образа Ольги Николаевны в качестве сестры милосердия. Можно предположить, что врач пересекся с княжной во время ее посещения одного из госпиталей. Не исключено и влияние слухов о романтических отношениях великих княжон с ранеными и персоналом Царскосельского лазарета, которые породили в нем определенные надежды, так как сам Руткевич безуспешно пытался устроиться на работу в Царскосельский госпиталь. Так или иначе любовные телеграммы Руткевича во дворец к Ольге Николаевне (иногда по нескольку в день) демонстрируют развитие паранойи: адресанту то кажется, что княжна отвечает ему письмами, испытывая взаимные чувства, то Никанор приходит к выводу, что она подшучивает над ним, что вызывает у него суицидальные мысли. Едва ли Ольга Николаевна знала

о своем воздыхателе, так как его телеграммы, поступавшие во дворец, сразу переправлялись в Охранное отделение с просьбой принять соответствующие меры. Руткевича дважды вызывали в охранку, он обещал перестать телеграфировать княжне о своих чувствах, но оба раза срывался и в конце концов был выслан из Петрограда по распоряжению градоначальника²⁷.

В плане перспектив развития исторической руморологии важным представляется, во-первых, дальнейшая классификация и изучение структуры слухов, выявление их фольклорных, социальных и политических пластов, а во-вторых, исследование их функциональной природы, что вполне взаимосвязано. Структура некоторых слухов содержит когнитивные модели, демонстрирующие их интерпретационную функцию. Так, любопытен слух, в котором объяснялись причины Первой мировой войны через обращение к сказочной модели неудачного сватовства как повода для нападения на соседнюю страну: якобы Франц Фердинанд приезжал в Петербург свататься к Ольге Николаевне, но «обманул» ее, после чего русские министры поехали в Сербию и убили наследника австрийского престола. Характерно, что эта абсурдная версия начала войны опиралась на исторический факт: сватовство к Ольге Николаевне весной 1914 г. румынского принца Карола, которому было отказано. Связав неудавшуюся помолвку Карола и Ольги с начавшейся вскоре войной, поменяв действующих лиц, крестьянское сознание выстроило доступную для своего понимания интерпретацию. Показательно, что схожие модели действовали и среди образованных слоев населения, только в этом случае в качестве интерпретационной модели выступала не волшебная сказка, а художественная беллетристика — чаще всего научная фантастика или шпионский детектив. Так, например, некоторые слухи о Распутине представляли его в качестве шпиона-гипнотизера, заброшенного Германией в Россию в составе диверсионной группы медиумов. Эти медиумы совместными усилиями якобы контролировали разум и волю императора. Подобный сюжет пересекается с популярными в России романами французского писателя и художника А. Робиды, а также в целом согласуется с ростом популярности оккультизма в условиях войны.

Исследование структуры слухов предполагает изучение их связей со сказкой, мифом, легендой, художественным произве-

---

27 Аксенов В. Б. Слухи, образы, эмоции... С. 445–447.

дением, причем не только вербальным, но и визуальным, а также внимание к трансформации, переходу одних форм в другие. Собственно, Колоницкий упоминает подобную трансформацию слуха в анекдот на примере распространенного в городской среде анекдота об императрице Александре Федоровне, который возник из популярного слуха о том, что императрица плачет, когда бьют немцев, и радуется, когда бьют русских (в свою очередь сама фраза отсылает к религиозным апокрифическим текстам, в которых описывалась природа дьявола). Можно предположить, что тем самым происходила адаптация абсурдных крестьянских слухов среди образованных слоев общества: история, рассказанная в форме анекдота, упрощалась, из нее исключались ненужные детали, и в итоге она переставала казаться глупой и снимала с рассказчика подозрения в неадекватности. Впрочем, по мере назревания социально-психологического кризиса образованные люди все чаще пересказывали то, о чем говорили мужики и бабы, признавая, что теряют способность отличать правду от вымысла. Известны примеры и другой трансформации фольклорных форм: появившийся в Петрограде в начале марта 1917 г. слух о «черных автомобилях», на которых якобы по ночам разъезжали мстители-контрреволюционеры и расстреливали из пулеметов милицию и прохожих, превратился впоследствии в городскую легенду, сохранявшуюся с небольшими изменениями в разные периоды XX в. (например, о «черных воронках», «черных Волгах»).

Имагология не должна ограничиваться образами власти, так как героями массовых слухов становились не только политические акторы, но и, например, природа, техника. Столкновение машин и природы в войне придавало ей особый, эсхатологический характер последней битвы. Сама эпоха рубежа XIX–XX вв., связанная с активным внедрением в повседневную жизнь технических достижений, порождала у современников футурошок и футурофобию. Первая мировая война спровоцировала появление технофобических слухов и образов: о невидимых цепеллинах, устраивавших ночные бомбардировки, гигантских бесшумных пушках, одним выстрелом способных стереть с лица земли целые города, таинственных лучах смерти (прототип лазерной пушки) и т. д. Многие из них были заимствованы из фантастической беллетристики, но показательным то, что некоторые журналы, рассказывавшие о новейших технических изобретениях, использовали иллюстрации из научно-фантастических произведений.

Не менее перспективным и важным в контексте собственно политической истории представляется исследование прогностической функции слухов. Некоторые историки уже обращали внимание на то, как слухи предопределяли известные исторические развязки. Сам Колоницкий упоминает, что «слухи подталкивали открытых противников режима ко все более активным действиям»²⁸. Этот механизм описывается «теоремой Томаса», или теорией самоосуществляющегося пророчества: «Если ситуации определяются людьми как реальные, они реальны по своим последствиям». Так, В. В. Кабанов описал подобный механизм, когда в феврале 1917 г. слухи о приближающемся голоде спровоцировали закупку населением хлеба про запас, в результате чего случился дефицит хлебных изделий, заставивший женщин выйти на улицу с требованием хлеба 23 февраля²⁹. В. П. Булдаков обратил внимание на то, что летом-осенью 1917 г. распространявшиеся различными газетами слухи о намерениях большевиков захватить власть как будто программировали большевиков на восстание, подталкивая В. И. Ленина к историческому решению, что позволило рассмотреть историю октябрьского переворота как «хронику заранее объявленной революции»³⁰. Можно также отметить, что конструировавшиеся слухами взаимно искаженные образы власти и общества накануне 1917 г. провоцировали недоверие и агрессивные действия, сделавшие неизбежной революцию. В частности, напуганные слухами о заговорах депутатов, власти прерыванием думских сессий предопределяли радикализацию Государственной думы, при этом сами депутаты, переносившие уличные слухи в Таврический дворец (что сделал П. Н. Милюков в своей знаменитой речи 1 ноября 1916 г.), заставляли власти предпринимать подобные меры. Взаимные слухи создавали и усиливали взаимное недоверие, при этом понимавшие это современники находили и первопричину — порожденный цензурой дефицит информации, запрет на освещение определенных тем.

В заключение хочется добавить, что большой интерес разнообразной читательской аудитории к работам Б. И. Колоницкого

28 Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика». С. 562.

29 Кабанов В. В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М., 1997.

30 Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

объясняется не только тем, что они написаны на богатом фактическом материале, но также и тем, что отличаются бережной и тонкой работой с историческим источником, а оригинальные и убедительные подходы вызывают у молодых исследователей желание работать в подобном направлении, что и испытал на себе пишущий эти строки автор в бытность студентом.

ЛИТЕРАТУРА

- Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М.: Наука, 1985. 260 с.
- Аксенов В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.
- Аксенов В. Б. Война патриотизмов: Пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 488 с.
- Безгин В. Б. «Царь-батюшка» и «народ-богоносец» (Крестьянский монархизм конца XIX — начала XX в.) // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: сб. науч. ст. Вып. 2. СПб., 2004. С. 29–34.
- Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 254 с.
- Блок М. Короли-чудотворцы. М.: Яз. рус. культуры, 1998. 709 с.
- Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 965 с.
- Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М.: Наука, 1967. 407 с.
- Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в Первой мировой войне. М.: Наука, 1967. 363 с.
- Иванов Л. М. Дела о привлечении крестьян к ответственности по 103 и 246 статьям как источник для изучения крестьянских настроений кануна первой русской революции // Проблемы источниковедения. Сб. 8. М., 1959. С. 119–134.
- Кабанов В. В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М.: Издат. РГГУ, 1997. 385 с.
- Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 657 с.
- Колоницкий Б. И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Отечественная история. 1994. №1. С. 17–27.
- Колоницкий Б. И. К изучению механизмов десакрализации монархии (слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны) // История и революция. СПб., 1999. С. 72–86.
- Колоницкий Б. И. «Политическая порнография» и десакрализация власти в годы первой мировой войны (слухи и массовая культура) // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 67–80.
- Побережников И. В. Слухи в социальной истории: типология и функции. Екатеринбург: Банк культ. информ., 1995. 58 с.
- Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия. Л.: Наука, 1973. 330 с.

Lefebvre G. La Grande peur de 1789. Suivi de Les foules révolutionnaires. Paris: Armand Colin, 1988.

REFERENCES

- Avrekh A. Ya. Raspad tret'eiyun'skoj sistemy. M.: Nauka, 1985. 260 s. In Russian.
- Aksenov V. B. Sluhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniya rossiyan v gody vojny i revolyutsii (1914–1918). M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 992 p. In Russian.
- Aksenov V. B. Vojna patriotizmov: Propaganda i massovye nastroyeniya v Rossii perioda krusheniya imperii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 488 p. In Russian.
- Bezgin V. B. «Tsar'-batyushka» i «narod-bogonosets» (Krest'yanskij monarhizm kontsa XIX — nachala XX v.) // Trudy kafedry istorii i filosofii Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta: sb. nauch. st. Is. 2. SPb., 2004. P. 29–34. In Russian.
- Blok M. Apologiya istorii, ili remeslo istorika. M.: Nauka, 1986. 254 s. In Russian.
- Blok M. Koroli-chudotvortsy. M.: YAz. rus. kul'tury, 1998. 709 p. In Russian.
- Buldakov V. P. Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya. M.: ROSSPEN, 2010. 965 p. In Russian.
- Burdzhalov E. N. Vtoraya russkaya revolyutsiya. Vosstanie v Petrograde. M.: Nauka, 1967. 407 p. In Russian.
- Dyakin V. S. Russkaya burzhuziya i tsarizm v Pervoj mirovoj vojne. M.: Nauka, 1967. 363 p. In Russian.
- Ivanov L. M. Dela o privlechenii krest'yan k otvetstvennosti po 103 i 246 stat'yam kak istochnik dlya izucheniya krest'yanskih nastroyenij kanuna pervoj russkoj revolyutsii // Problemy istochnikovedeniya. Sb. 8. M., 1959. P. 119–134. In Russian.
- Kabanov V. V. Istochnikovedenie istorii sovetskogo obshchestva: Kurs lekcij. M.: Izdat. RGGU, 1997. 385 p. In Russian.
- Kolonickii B. I. «Tragicheskaya erotika»: Obrazy imperatorskoj sem'i v gody Pervoj mirovoj vojny. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 657 p. In Russian.
- Kolonickii B. I. Antiburzhnaznaya propaganda i «antiburzhuzskoe» soznanie // Otechestvennaya istoriya. 1994. №1. P. 17–27. In Russian.
- Kolonickii B. I. K izucheniyu mekhanizmov desakralizatsii monarii (sluhi i «politicheskaya pornografiya» v gody Pervoj mirovoj vojny) // Istorik i revolyuciya. SPb., 1999. P. 72–86. In Russian.
- Kolonickii B. I. «Politicheskaya pornografiya» i desakralizatsiya vlasti v gody pervoj mirovoj vojny (sluhi i massovaya kul'tura) // 1917 god v sud'bah Rossii i mira. Oktyabr'skaya revolyutsiya: ot novyh istochnikov k novomu osmysleniyu. M., 1998. P. 67–80. In Russian.
- Poberezhnikov I. V. Sluhi v sotsial'noj istorii: tipologiya i funktsii. Ekaterinburg: Bank kul't. inform., 1995. 58 p. In Russian.
- Sobolev G. L. Revolyutsionnoe soznanie rabochih i soldat Petrograda v 1917 g. Period dvoevlastiya. L.: Nauka, 1973. 330 p. In Russian.
- Lefebvre G. La Grande peur de 1789. Suivi de Les foules révolutionnaires. Paris: Armand Colin, 1988.

Статья поступила в редакцию: 20 марта 2025 г.

Рекомендована к печати: 16 июня 2025 г.

Received: March 20, 2025

Accepted: June 16, 2025